

ФЛОРА ТОМПСОН

В КЭНДЛФОРД!

—
КЭНДЛФОРД-ГРИН

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Т56

Flora Jane Thompson
OVER TO CANDLEFORD.
CANDLEFORD GREEN

Перевод с английского Анастасии Рудаковой
Серийное оформление и иллюстрация на обложке Екатерины Скворцовой

Томпсон Ф.
Т56 В Кэндлфорд! : сборник / Флора Томпсон ; пер. с англ.
А. Рудаковой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2024. —
480 с. — (Старая добрая...).

ISBN 978-5-389-26164-8

Автобиографическая трилогия «Из Ларк-Райз в Кэндлфорд» — ностальгическая ода, воспевающая жизнь провинциальной Англии Викторианской эпохи, рассказанная от лица девочки Лоры, выросшей в деревушке Ларк-Райз на севере Оксфордшира, а затем, еще подростком, устроившейся работать в почтовое отделение в близлежащем городке Кэндлфорд-Грин. Эти полулирические-полудокументальные воспоминания очаровывают искренностью повествования и простотой деревенских нравов, порой кажущихся наивными, и от этого еще более трогательных. В этот том вошли вторая и третья части трилогии.

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-26164-8

© А. А. Рудакова, перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Иностранка®

I

Такие, как есть

— **В**от придет лето, одолжим в «Фургоне и лошадях» старушку Полли с тележкой и все вместе отправимся в Кэндлфорд, — объявил отец (уже в десятиллионный раз, подумалось Лоре). Хотя он вечно твердил про эту поездку, в Кэндлфорде семья еще ни разу не бывала. Дальше ближайшего городка, куда ездили за субботними покупками, они вообще не выбирались.

Однажды кто-то спросил детей, давно ли они живут в своем коттедже, и Лора ответила: «О, много-много лет», а Эдмунд присовокупил: «Всю жизнь»; однако «вся жизнь» мальчика насчитывала тогда пять лет, а его сестре едва исполнилось семь. Вот почему, когда мама сказала им, что самая большая оплошность на свете — родиться бедным, дети не поняли, что и сами уже совершили этот изначальный промах. Они были слишком малы, и им не с чем было сравнивать.

Их дом принадлежал к горстке небольших, окруженных полями коттеджей в трех милях от ближайшего городка и в пятидесяти от крупного города. Кругом простирались плодородные земли, которые память цепко хранила

до конца жизни: полосы ребристых коричневых пашен, перемежаемых живыми изгородями из кустов и вязов. Картина эта была неизгладима; при желании можно было вызвать и другие воспоминания: акры молодой зеленой пшеницы, по которым стремительно несутся тени облаков; золото спелых нив; белизна глубоких снегов с цепочками заячьих и лисьих следов, тянущимися от изгороди до изгороди.

Среди этих коричневых, зеленых или белых, в зависимости от сезона, просторов, на небольшой горке, приютилась деревушка — скопление серых каменных стен и блеклых шиферных крыш, бесцветность которых лишь подчеркивалась пышными кронами плодовых деревьев и темной полосой тисовой изгороди. Путникам, шагавшим по большаку, что пролегал в миле отсюда, это селение, должно быть, нередко казалось уединенным и безлюдным; но в действительности место было оживленное, и более внимательный наблюдатель обнаружил бы, что тут кипит жизнь, не менее деятельная и занимательная, чем в колонии кротов.

Во всех здешних коттеджах обитали бедняки. Некоторым — старикам или семействам, разросшимся больше обычного, — жилось похуже, двум-трем семьям в более благополучных обстоятельствах — чуть покомфортнее, чем их соседям, но денег доставало в каждом доме.

Если кто-то хотел одолжиться, он знал, что больше шести пенсов лучше не просить, а если просьбу встречали с обескураживающим выражением лица, то проситель поспешно прибавлял:

— Если шести не найдется, пожалуй, обойдусь и двумя.

Детям, когда в деревню приезжал бакалейный фургон, выдавали на сласти полпенни или всего один фартинг. Даже на меньшую сумму они накупили столько миндальной карамели или мятных леденцов, что могли часами набивать ими рот. Родителям же приходилось копить несколько месяцев, чтобы приобрести поросенка на откорм или несколько десятков вязанок хвороста на зиму. За исключением самых бережливых, всегда имевших немного денег про запас, к концу недели люди по нескольку дней сидели без гроша.

Но, как тут любили говорить, деньги — еще не все. Как ни беден был местный люд, обитатели каждого из маленьких коттеджей, так похожих друг на друга внешне, считали его неповторимым, ведь это был их «родной дом», или, по-здешнему, «до-ом». Запахи каминного дыма, бекона и капусты, которые встречали и окутывали мужчин, проработавших целый день в поле, на холодном свежем воздухе, казались усталым труженикам такими уютными; отрадно было опуститься в «отцовское кресло» у очага, стянуть тяжелые, в запекшейся грязи, сапоги и, усадив к себе на колени младшенького, прихлебывать крепкий, сладкий чай, покада «наша мама» готовит ужин.

Старшие ребята весь день проводили в школе, а в хорошую погоду обретались на улице; но, как говаривали матери, дети знали, куда идти, когда проголодаешься, и под вечер они устремлялись домой на ужин и ночлег, словно почтовые голуби или кролики, спешащие в свою норку.

Для женщины дом был совершенно особым местом, ибо в четырех стенах проходили девять десятых ее жизни. Там она стирала, стряпала, убиралась и чинила одежду своего многочисленного семейства; там наслаждалась драгоценным получасовым покоем за чашкой чая перед камином, там несла, как умела, свое бремя и лелеяла редкие радости. Порой, когда гнет забот слегка ослабевал, она находила удовольствие в том, что по-новому представляла скудные, убогие предметы мебели, переклеивала обои или мастерила из старых лоскутков покрывала и подушки, чтобы украсить свое жилище и придать ему уют; и мало какая женщина оказывалась настолько бедна, что не имела ни единого сокровища, которое можно было выставить напоказ, — какой-нибудь вещицы, хранившейся в семье «с незапамятных пор», или мебели, купленной на распродаже в таком-то поместье или подаренной ей господами, когда она находилась в услужении.

Такие сокровища по прошествии времени приобретали репутацию баснословно дорогих вещей. Дедушка Билла отказался продавать вон тот угловой буфет или эти напольные часы за двадцать фунтов, говорила одна; некий таинственный джентльмен однажды поведал, что огромные рубины и изумруды, украшавшие старую, облезлую металлическую рамку для фотографий, — настоящие, утверждала другая. И вечно твердила, что «в один прекрасный день» отнесет ее ювелиру в Шертон на оценку, но так этого и не сделала. Как и все окружающие, эта женщина понимала, что не стоит подвергать проверке свою любимую иллюзию.

Никто из слушателей не оспаривал ценность подобных сокровищ. Это было бы «неприлично», а кроме того, вещица с похожей легендой имелась почти в каждом доме. Отец Лоры и Эдмунда со смехом говорил, что, поскольку ни у кого из семейства Брэби в жизни не водилось за душой больше двадцати шиллингов, любой, кто предложит им двадцать фунтов за часы, будет тут же с негодованием отвергнут; а что касается рубинов и изумрудов миссис Гаскин, то всякому, у кого есть глаза, видно, что они происходят с того же месторождения, что и материал, из которого изготавливают дешевые однопенсовые стаканы.

— Какая разница, если им нравится так думать? — спрашивала его жена.

Это были работающие, самостоятельные, довольно-таки честные люди. От них частенько можно было услышать: «Провидение помогает тем, кто умеет сам позаботиться о себе». Врожденным чувством юмора они не отличались, зато унаследовали коллекцию шутливых изречений, считавшихся остроумными. Сосед, которого звали помочь передвинуть тяжелый шкаф, являясь, плевал на ладони и говорил: «А вот и я, готов на шиллинг потрудиться и полукроною разжиться». Помимо путаной арифметики, в этой безобидной шутке фигурировала фантастическая сумма, запрашиваемая в качестве вознаграждения. Обычной платой за подобную или чуть более существенную услугу служил бокал пива или стоимость оного.

Тот, кто помогал соседу справиться с каким-либо невыристым вопросом, цитировал старую поговорку: «Одна

голова хорошо, а две лучше», и сосед откликнулся: «Вот почему дураки женятся», или, если был настроен более приземленно: «Да, особенно если головы овечьи». Поговорку всегда нужно было заканчивать. Нельзя было просто сказать: «Если хочешь убить собаку, не обязательно ее вешать», не услышав в ответ: «Или душить подушкой»; а любое упоминание о деньгах как о корне всех зол влекло за собой неперемное: «Однако я от такого корешка не откажусь».

Обсуждение собственных и соседских дел занимало место, которое в современном мире принадлежит книгам и фильмам. Ничего значительного по меркам внешнего мира в деревушке никогда не случалось, и тамошний уклад был совершенно непохож на нынешнее представление о сельской жизни, ибо Ларк-Райз не был ни рассадником порока, ни вертоградом пасторальных добродетелей. Но в жизни любого человеческого существа, какой бы ограниченной она ни была, всегда есть место и затруднениям, и тому, что позабавит стороннего наблюдателя, так что и на этой скромной сцене разыгрывалось много занимательных маленьких драм.

В повседневной жизни Ларк-Райза не имелось ни одного из тех удобств, которые ныне считаются необходимыми: вместо водопровода — общий колодезь, вместо канализации — будка во дворе, вместо электрического освещения — свечи и керосиновые лампы. Жизнь была нелегкая, но деревенские обитатели себя не жалели. Они приберегали свою жалость для тех, кого считали настоящими бедняками.

Дети приносили домой из библиотечки воскресной школы книги о лондонских трущобах, которые прочитывались и их матерями. Тогда это была излюбленная тема писателей-беллетристов; целью их, по-видимому, было не столько вызвать возмущение ужасными условиями жизни, сколько обеспечить какой-нибудь сердобольной леди или ребенку выразительный фон повествования. Много было пролито в деревне слез над «Старой шарманкой Кристи» и «Младшим братцем Фрогги». Все жалели, что не могут вызволить из трущоб бедных маленьких сироток и поделиться с ними самым лучшим, что тут имеется.

— Несчастный крошка. Будь у нас возможность взять его к себе, он спал бы в кроватке с нашим маленьким Сэмми, а здешний воздух мигом бы его оживил, — сказала одна женщина про умирающего младшего брата Фрогги, забыв, что он, как она выразилась в другой раз, «все-то книжный персонаж».

Впрочем, читать о страдальцах было не только печально, но и приятно, ведь это внушало отрадное чувство превосходства. Слава богу, у читательницы имелся в полном распоряжении и целый двухэтажный дом, так что ей не приходилось «ютиться» в одной каморке, и настоящие, к тому же чистые, кровати, а не кучи тряпья в углах вместо постелей.

Для этих людей, так же как для Лоры и Эдмунда, которые росли среди них, деревенская жизнь была совершенно нормальной. За одной гранью этой нормы находилась подлинная беднота, обитавшая в трущобах, а за другой — «джентри», мелкопоместное дворянство.

Другого разделения на классы селяне не признавали; хотя им, разумеется, было известно, что и между ними живет несколько «важных людей». У навещавших их священника и врача из городка и денег было побольше, и дом получше, чем у ларк-райзцев, но, хотя оба являлись «урожденными джентльменами», к аристократии, обитавшей в огромных загородных домах или наезжавшей в окрестные охотничьи домики, они не принадлежали. Однако одного снисходительно именовали «старым пастором», а другого ласково «нашим доктором» и не относили к какому-либо определенному классу общества.

Джентри мелькали в здешних краях точно зимородки, порхнувшие сквозь стаю воробьев, копошащихся в живой изгороди. На глазах у местных жителей они проносились по деревне в своих экипажах, и дамы в развевающихся шелках и атласе прикрывались крошечными зонтиками с синельной бахромой, чтобы уберечься от загара. Зимой выезжали на псовую охоту: джентльмены — в безукоризненных красных охотничьих камзолах, леди на дамских седлах — в плотно облежавших изящные фигуры черных амазонках. «Выглядят так, будто их расплавили и залили в эти костюмы, верно?» Сырыми, туманными утрами, направляясь к месту сбора, господа пускали своих скакунов рысью, переключаясь пронзительными голосами, которые было весело передразнивать.

Позднее в тот же день часто можно было видеть, как они несутся во весь опор по пашням, и тогда работники бросали свои орудия и забирались на полевые ворота, чтобы поглазеть на них, или останавливали упряжки,

высовывались из-за плугов и, приставив рупором ладони ко рту, кричали:

— Ату, вперед, вперед, улюю, ату!

Когда экипажи проезжали по деревне, многие женщины, идущие с колодца, ставили ведра на землю и делали реверанс, мальчики почтительно дергали себя за челку, а девочки приседали, как их учили в школе. Лора в такие моменты ощущала неловкость, поскольку отец говорил, что, хотя он согласен, чтобы Эдмунд приветствовал каждую леди (однако весьма надеется, что сын не будет при этом дергать себя за волосы, словно за веревку звонка), но решительно возражает против того, чтобы его дочери приседали, разве что в церкви или перед королевой Викторией, если ей случится тут побывать. Мама смеялась.

— В Риме поступай как римляне, — замечала она.

— Это не Рим, — парировал отец. — Это Ларк-Райз — место, которое Господь создал из того, что осталось после сотворения мира.

При этих словах мама запрокидывала голову и цыкала языком. Она говорила, что некоторые его понятия выводят ее из терпения.

Если не считать редких экипажей и дилижанса, проезжавшего дважды в неделю, по большаку мало кто ездил, разве только фургон пекаря и фермерские повозки, и телеги. Иногда проходила женщина из соседнего села или деревушки, спеша с корзиной для покупок в городок. Тогда считалось сущим пустяком проделать шесть-семь миль, чтобы купить катушку ниток, упаковку чая

или шестипенсовый кусок мяса на воскресный мясной пудинг. За исключением дилижанса, появлявшегося лишь по определенным дням, другого транспорта не существовало. Поездка со Старинной Джимми считалась шиком, но и ужасным расточительством, ибо плата за проезд составляла шесть пенсов. Большинство людей предпочитали пройти пешком и сэкономить шесть пенсов, чтобы потратить их там, куда они направлялись.

Впрочем, хотя этого никто еще не осознавал, транспортная революция началась. По дорогам уже носились, вихляя из стороны в сторону, дорогие «пенни-фартинги», предвещая, подобно первым ласточкам, грядущее лето автобусов, автомобилей и мотоциклов, которым вскоре предстояло преобразить сельскую жизнь. Как же быстро колесили эти новомодные велосипеды и какими опасными казались! Прохожие, встречая подобное средство передвижения, чуть ли не вжимались в живую изгородь, ведь почти каждую неделю в воскресной газете появлялись истории о людях, сбитых велосипедами, и печатались письма читателей, где говорилось, что велосипедистов не следует пускать на дороги, которые, как всем известно, предназначаются только для пешеходов и гужевых повозок. «У велосипедов, как у поездов, должны быть собственные дороги», — гласило общее мнение.

И все же это было захватывающее зрелище: человек, стремительно рассекавший пространство на одном высоком колесе, пока другое маленькое колесико беспомощно болталось позади. Вас поражало, как ему удается сохранять равновесие. Неудивительно, что у такой

ошалелый вид! Подобное выражение называли «лицом велосипедиста», и газеты предсказывали, что из-за этого занятия следующее поколение вырастет горбатым и издерганным.

Езду на велосипеде считали мимолетным поветрием, а велосипедистов в обтягивающих темно-синих костюмах с бриджами и кепках со значками своего клуба — посмешищами. Ни один деревенский житель, выбегавший к своей калитке, чтобы поглазеть на проезжающего мимо велосипедиста, надеясь и одновременно страшась, что тот упадет, не поверил бы, если бы ему сказали, что через несколько лет в каждом доме заведется по меньшей мере один «костотряс», на котором мужчины станут ездить на работу, а молодые женщины, покончив с домашними хлопотами, будут запросто оседлывать «железного коня» и, крутя педали, отправляться в городок, чтобы пройтись по магазинам. И уж тем более усомнились бы, если бы им поведали, что многие из них доживут до той поры, когда совет графства милостиво выдаст каждому деревенскому ученику по велосипеду и дети будут ездить в школу «со всем задаром», как тут выражались.

В остальном мире люди сооружали высоченные фабричные трубы и отводили многие мили зеленых лугов под убогие жилища для рабочих. И без того большие города обрастали десятками дорог и пригородных вилл. Для удовлетворения потребностей быстро увеличивавшегося населения строились новые церкви, часовни, железнодорожные станции, школы и гостиницы. Но обитатели Ларк-Райза не видели этих перемен. Они жили далеко

от промышленных районов, и их окружение оставалось таким, каким было с самого их рождения. За много лет в маленьком селении в полях не прибавилось ни одного коттеджа, и, как оказалось впоследствии, в этом виде ему суждено было просуществовать еще по меньшей мере полвека; возможно, оно останется таким навсегда, ведь облик Ларк-Райза не изменился по сей день.

Престол занимала королева Виктория. Она прочно обосновалась там еще до рождения Лориных родителей, поэтому девочке и ее брату казалось, что королева была и будет всегда. Но многие старики еще помнили ее коронацию и могли поведать, как во всех окрестных селах целый день звонили в церковные колокола, жарили бычьи туши, а ночью жгли костры.

По утверждению священника, подданные называли королеву «нашей маленькой английской розой», и Лора частенько думала об этом, изучая портреты Виктории в рамке за стеклом, висевшие на почетном месте во многих коттеджах. С портретов смотрела полная, немолодая, довольно-таки сердитая особа с ярко-голубой лентой ордена Подвязки на груди и короной на голове, такой крошечной, что по сравнению с ней лицо казалось огромным.

— Как она держится? — спрашивала Лора, потому что ей чудилось, что при малейшем шевелении корона тотчас свалится.

— Не волнуйся, — успокаивала ее мама, — она продержится на этой голове еще много лет, вот увидишь.

И в самом деле, корона продержалась еще лет двадцать.

Для всей остальной страны королева уже не была «нашей маленькой английской розой». Она сделалась «королевой-императрицей» или «Викторией Добродетельной, матерью своего народа». В деревне ее называли «старой королевой» либо «бедной старой королевой», ибо разве она не была вдовой? И говорили, что ей тоже приходится нелегко с этим ее сыночком. Впрочем, все соглашались, что Виктория хорошая королева, а когда у них спрашивали почему, отвечали: «Потому что она снизила цену на четырехфунтовую буханку» или: «Ну, при ней ведь у нас мир, не так ли?»

Мир? Ну разумеется. Война была чем-то таким, о чем читали в книгах, штукой довольно захватывающей, если бы не приходилось погибать бедным солдатам; впрочем, все это было давно и далеко, а в наше время случиться никак не могло.

Однако война была не так давно, поведал Лоре и Эдмунду отец. Он сам родился в день Альминского сражения¹. Тогда мы сражались с русскими, суровым и жестоким народом, который считал, что правда в силе, но обнаружил, что ошибался. Он не смог сделать рабами свободных людей.

Еще был старик, который являлся раз в несколько месяцев, играл на дудочке и просил милостыню. Его прозвали Одноглазым Хромушей, потому что он потерял под Севастополем глаз и часть ноги. Одна штанина у него

---

¹ Сражение на реке Альме в Крыму произошло 20 сентября 1854 года между англо-франко-турецким и русским войсками в ходе Крымской войны 1853–1856 годов.

доходила только до колена, и культя опиралась на так называемую деревянную ногу, хотя человеческую ногу та не слишком напоминала и в действительности представляла собой слегка сужающуюся книзу деревяшку, заканчивавшуюся железным наконечником. «Пошкандыбал», — говорили про Одноглазого Хромушу.

Однажды старик Хромуша при Лоре рассказывал их соседу о том, как лишился конечности. Его задело пушечным ядром, и он провалялся на поле боя незамеченным целые сутки. Затем пришел хирург и сразу же отпилил раздробленную голень.

— А я только орал, — говорил калека, — особенно когда он окунул обрубок в ведро с кипящей смолой. Это было до того, как пришли сестрички.

Он имел в виду сестер милосердия. Лора знала, что это значит, потому что в книге о «леди со светильником», которую читала ей мама, было изображение Флоренс Найтингейл², чью тень целовали раненые.

Но эти рассказы, кажется, ничуть не приближали войну в Крыму к той эпохе, в которую жили Лора и Эдмунд, и когда позднее они читали в своих старомодных книжках повести о хороших детях, помогавших матерям вязать и сворачивать бинты для солдат, сражавшихся в России, война и тогда представлялась Лоре и Эдмунду столь же неправдоподобной, как любая сказка.

---

² Найтингейл Флоренс (1820–1910) — знаменитая английская сестра милосердия, работавшая во время Крымской войны в полевом госпитале в Балаклаве.

Солдат — уроженцев Ларк-Райза считали не воинами, а молодыми искателями приключений, которые пошли в армию, потому что это был единственный способ повидать мир, перед тем как они остепенятся, женятся и встанут за плуг. Судя по их письмам, которые часто зачитывались вслух односельчанам, собиравшимся у порогов коттеджей, единственными врагами, с которыми им доводилось сталкиваться, были песчаные бури, москиты, тепловые удары и малярия.

Испытания, выпавшие на долю Лориного дяди Эдмунда, были иного рода, поскольку он находился в Новой Шотландии, где можно было отморозить себе нос. Но он, само собой, служил в королевских инженерных войсках, как и все военные по отцовской линии, ведь не зря же они владели ремеслом? В семье это давало повод к некоторому снобизму. В те наивные времена человек, которого родители отдали в ученики к какому-нибудь мастерскому, считался уже состоявшимся в жизни. «Вложите ему в руки ремесло, и он всегда будет надежно обеспечен», — говорили люди о каком-нибудь многообещающем парнишке. Им еще предстояло сполна уяснить смысл таких слов, как «депрессия» и «безработица». Так что в «крайнем доме» речь всегда шла про королевские инженерные войска, даже при матери Лоры и Эдмунда. В ее семье предпочтение отдавали полевой артиллерии, разумеется, тоже королевской, хотя на этом внимания не заостряли.

И инженеры, и артиллеристы несколько свысока взирали на полк графства, а тот, в свою очередь, свысока

взирал на милицию. Без сомнения, у солдат милиционных войск также имелись свои мерилы; вероятно, они свысока взирали на пассивных молодых людей, оставшихся дома, «парней, у которых не хватило удали пойти в армию». Те, кто отваживался вступить в милицию, редко задерживались в ней надолго. Почти все они еще до завершения первого этапа подготовки отправляли родителям письма, где сообщали, что прикипели к прекрасной солдатской жизни и решили перейти в «регулярные». Потом они приезжали домой на побывку в алых мундирах и маленьких круглых шапочках и прогуливались по деревне, покручивая тросточками и поглаживая свои новые усы, после чего отправлялись за море, в Индию или Египет. У тех, кто оставался дома, развлечений было немного: Рождество, праздник урожая и ежегодный сельский пир. В те дни не было ни кино, ни радио, ни экскурсий, ни танцев в сельских клубах! Летом несколько юношей и мужчин помоложе играли в крикет. Один парень считался в этих краях хорошим боулером и иногда набирал команду, чтобы провести игру в какой-нибудь из окрестных деревень. Как-то на пороге его дома произошел любопытный разговор. Вышедшая из экипажа дама попросила, вернее, приказала ему собрать команду для игры с «юными джентльменами», имея в виду своих сыновей, приехавших на каникулы, и их друзей. Естественно, Фрэнк захотел выяснить, насколько сильны соперники, с которыми ему предстояло сразиться.

— Полагаю, мэм, вы желаете, чтобы я позвал умелых игроков? — почтительно осведомился он.

— Конечно, — ответила дама. — Юным джентльменам по душе хорошая игра. Но пусть команда будет не слишком сильная. Джентльменам не хочется проиграть.

— И это, по ее мнению, называется крикетом, — с широкой улыбкой заметил Фрэнк вслед удаляющейся собеседнице.

Это сельское общество отделяют от нас пятьдесят с небольшим лет; но в смысле манер, обычаев и условий жизни — целые столетия. Не считая того, что соломенная кровля уступила место черепичной, а старинный открытый очаг сменился встроенной решеткой-жаровней, коттеджи оставались такими же, какими жилища бедняков были на протяжении многих поколений. Люди по-прежнему питались обычной деревенской едой, пока еще предпочитая ее новым продуктам фабричного производства, с которыми уже познакомились. Мужчины постарше по-прежнему носили длинные крестьянские рубахи, заявляя, что одна добротная рубаха переживет двадцать новых готовых костюмов, какие начали покупать молодые люди. Белоснежная, выстиранная вручную рубаха с искусно сшитой затейливой кокеткой, безусловно, выглядела куда живописнее грубых, плохо сидящих фабричных «пинжаков».

Женщин мода волновала больше, чем мужчин, но их усилия соответствовать последним веяниям ограничивались «воскресными нарядами», которые редко доставали из коробок, хранившихся на втором этаже. В повседневной жизни деревенские жительницы довольствовались большим, тщательно отглаженным белым фартуком, прикрывавшим заплаты и штопку. Чтобы дойти до колодца

Литературно-художественное издание / Өдеби-көркем басылым

ФЛОРА ТОМПСОН
В КЭНДЛФОРД!

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Александр Александров
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 06.08.2024.
Формат издания 76 × 108 ^{1/32}. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,2. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филiaal ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12–14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т. ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басыл шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылдың сәйкестігін
растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaomprk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-GLD-35144-01-R